

«Задонщина»: соотношение со «Словом о полку Игореве»

«Задонщина» написана на основании «Сказания о Мамаевом побоище» рязанца Софрония. Полное название сказания – «История или повесть о нашествии безбожного царя Мамаю с бесчисленными его агарянами на Российскую землю и о великой брани, и о грозном побоище с великим князем Дмитрием Ивановичем Московским, и о брате его князе Владимире Андреевиче, сказание рязанца Софрония иерея».

Следует отметить, что существуют и другие варианты сказаний. Некоторые из них созданы после «Задонщины», на что указывают прямые цитаты в них из «Задонщины». Например, «Распространенная», «Основная» редакции содержат явно неуместное в конкретных текстах обращение «брат»: «Уже, брат, стук стучит и гром гремит в славном граде Москве», «То, брат, не соколы вылетали из каменного града Москвы».

«Пространная летописная повесть о Мамаевом побоище» и описание Куликовской битвы в летописи, которой пользовался Василий Татищев для «Истории Российской», писались независимо от «Задонщины». В них нет прямых цитат из «Задонщины». Но в этих трех текстах присутствует упоминание о пире у Микулы Васильевича. Софроний же про пир не писал. Отсюда следует вывод, что автор «Задонщины» кроме сочинения Софрония обращался к другим письменным источникам, или слышал о пире от близких людей, или сам был там.

Если предположить последний вариант, то первым на роль автора претендует родной брат устроителя пира – Тимофей Васильевич Вельяминов, боярин великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Он сражался на Куликовом поле и остался жив. Его имя ни разу не упоминается в «Задонщине», хотя другие источники сообщают, что он вместе с Владимиром Андреевичем Серпуховским привел на битву отстающие русские полки. Например, в «Пространной летописной повести о Мамаевом побоище» было сказано, что к Дмитрию Ивановичу: «Тут приехал Владимир, брат его, и великий его воевода Тимофей Васильевич и все воины оставшиеся, что были оставлены на Москве». Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище» подтверждает это сообщение: «И тут приехал к нему (Дмитрию Ивановичу) великий его воевода Тимофей Васильевич тысяцкого внук Васильев, правнук Вельяминов». На пиру, с рассказа о котором начинается «Задонщина», может быть, именно Тимофей Васильевич обращается к Микуле Васильевичу: «брат»?

Сейчас установить точно, кто написал «Задонщину», не представляется возможным, поэтому условно будем считать автором Тимофея Васильевича.

Он переложил Софроново «Сказание о Мамаевом побоище» в поэтическую форму наподобие «Слова о полку Игореве» и дал подзаголовок «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и брате его – князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего – царя Мамаю».

Он заимствовал сюжетную логику «Слова о полку Игореве», вставил дословные или очень похожие цитаты, в некоторых фразах выразил антитезу великому образцу: ведь «Задонщина» описывала победу Дмитрия Донского, защищавшего свою Русскую землю, а не поражение князя Игоря в чужой половецкой степи.

З а п е в к а

«Задонщина», как и «Слово о полку Игореве», начинается с Запевки. В ней говорится, что великий князь Дмитрий Иванович со своим двоюродным братом Владимиром

Андреевичем и воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Микула Васильевич происходил из знатного рода Вельяминовых, отец его был московским тысяцким, а с великим князем его связывали родственные отношения: их жены были родными сестрами.

Уместно предположить, что среди воевод, пришедших на пир к Микуле Васильевичу, был его брат Тимофей Васильевич Вельяминов, который и написал впоследствии «Задонщину». Он сражался вместе с Дмитрием Ивановичем на реке Воже в 1378 году и проявил себя как умелый полководец. В его доме воспитывался оставшийся сиротой родственник Козьма, впоследствии принявший постриг с именем Кирилл и основавший знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь, в котором нашли список «Задонщины».

Думаю, на пиру Тимофей Васильевич, (а не Дмитрий Иванович!), говорит Микуле Васильевичу «брат». Ведь Запевка построена так: сначала вспоминаются горестные времена, описанные в книгах, когда Русская земля сидела «невесела, горем и печалью покрывшись» после поражения на Калке до Мамаева побоища, в котором Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич одержали победу. Не мог Дмитрий Иванович прославлять сам себя. О нем говорит другой человек, АВТОР, который называет Микулу Васильевича братом.

Князь великий Дмитрий Иванович
со своим братом – с князем Владимиром Андреевичем
и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича.

«Ведомо нам, **брат**, что у быстрого Дона
царь Мамай пришел на Русскую землю,
и идет к нам в Залесскую землю.

Пойдем, **брат**, туда –
в полуночную сторону жребия Афетова-сына Ноева,
от него же родилась Русь православная,
взойдем на горы Киевские,
и посмотрим на славный Днепр,
и посмотрим по всей земле Русской,
и оттуда – на восточную сторону жребия Симова-сына Ноева,
от него же родились хинове, поганые татары-басурманы,
те, что на реке на Каяле одолели род Афетов,
и оттого – Русская земля сидит невесела,
а от Калкской рати до Мамаева побоища –
горем и печалью покрывшись,
плача, чад своих вспоминая, князей и бояр,
и удалых людей, что оставили все дома свои
и богатство, жен и детей, и скот,
честь и славу мира сего получив,
головы свои положили за землю Русскую
и за веру христианскую».

Сначала описал жалость к земле Русской и прочее, из книг приводя,
потом же записал жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его – князю Владимиру Андреевичу.

Тимофей Васильевич начинает свою песню:

Сойдемся, братья и друзья и сыновья русские,
составим слово к слову,
возвеселим Русскую землю,
и низвергнем печаль на восточную сторону – в Симов жребий,
и воздадим поганому Мамаю победу,
а великому князю Дмитрию Ивановичу – похвалу,
и брату его – князю Владимиру Андреевичу,

и скажем такое слово:
«Лучше оно нам, брат,
начать поведать иными словами о похваленных этих,
о нынешних повестях о полку великого князя Дмитрия Ивановича
и брата его – князя Владимира Андреевича,
а внуков святого великого князя Владимира Киевского».

Слушатели перебивают Тимофея Васильевича и советуют сначала вспомнить Бояна, который пел восхваления прежним великим князьям. Они настраивают его пение на нужный лад, подсказывая возможный образец.

Начав тебе «поведать» по делам и по былинам,
не перебьемся мыслями по землям,
и помянем первых лет времена,
похвалим вещего Бояна – умелого гудца.

В Киеве тот-то вещий Боян,
воскладал умелые свои персты на живые струны,
пел русским князьям славы:
первую славу – **великому князю** киевскому Игорю Рюриковичю,
2 – **великому князю** Владимиру Святославичу Киевскому,
третью – **великому князю** Ярославу Владимировичю.

В ответ на это Тимофей Васильевич говорит, что он восхвалит **НЫНЕШНЕГО** великого князя – Дмитрия Ивановича и помянет **ДРУГОГО** певца – рязанца Софония, который, как было сказано выше, написал «Сказание о Мамаевом побоище». Из Софония Тимофей Васильевич возьмет и фразу: «от Калкской рати до Мамаева побоища 160 лет». Там она звучит из уст великой княгини Евдокии, которая провожает мужа своего Дмитрия Ивановича на битву и льет слезы «аки быстрина речная» и молится: «Не сотвори, господи, якоже за мало лет прежде бывшей брани на Калке-реке христианам с татарами от злого Батыя. От Калкского побоища до Мамаевы рати 160 лет. От таких же бед ныне спаси, господи, и помилуй. Не дай же, господи, погибнуть оставшемуся христианству». В Запевке Тимофей Васильевич поминает не только Софония, но и это пение княгини Евдокии и пение других певцов.

Я же помяну рязанца Софония
и восхваляю песнями и гусельными буйными словами
ЭТОГО великого князя – Дмитрия Ивановича
и брата его – князя Владимира Андреевича,
а внуков святого великого князя Владимира Киевского,
и пение князьям русским за веру христианскую,
а от Калкской рати до Мамаева побоища 160 лет,
потому что князь великий Дмитрий Иванович
и брат его – князь Владимир Андреевич,
помолились Богу и пречистой его Матери,
**истерзав ум свой крепостью,
и поострили сердца свои мужеством,
и наполнились ратного духа,
снарядили себе храбрые полки** в Русской земле,
и помянули прадеда своего – великого князя Владимира Киевского.

В Запевке впервые появляются текстовые заимствования из «Слова о полку Игореве»: вспоминается Боян, приводится почти точная цитата:

Начнем же, братия, повесть сию
от Старого Владимира до нынешнего Игоря,
**что натянул ум крепостью своею,
и заострил сердце свое мужеством,
наполнившись ратного духа,**

навел свои храбрые полки
на землю половецкую
за землю Русскую.

Сбор князей в Русской земле

В «Слове о полку Игореве» русское ополчение собирает великий киевский князь Святослав после того, как увидел мутный сон и всю ночь слушал воронье карканье. В «Задонщине» сбору войск предшествует звучное пение жаворонков и соловьев.

Разбуженные ранними птичьими трелями в Москве призывно ржут кони – и вся Русская земля отзывается: в Коломне – трубами, в Серпухове – бубнами, в Великом Новгороде – вечными колоколами.

На звук колоколов приходят к Святой Софии мужи новгородские и говорят: «Уже нам, **брат**, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу». У Софония соответствующий фрагмент звучит так: «Великое вече бьют в Великом Новгороде. Стоят мужи новгородцы у Святой Софии Премудрости Божьей и говорят между собой таково слово: «Нам, **братия**, не поспеть на помощь к великому князю Дмитрию Ивановичу».

Почему Тимофей Васильевич заменил слово «братия» на «брат»? Так он показал, что новгородцы обращаются к одному Владимиру Андреевичу и ему говорят, что не успеют на помощь к Дмитрию Ивановичу. Владимир Андреевич был связан родственными узами с новгородским посадником Юрием Наримановичем, литовским князем из рода Гедиминовичей, двоюродная сестра которого – Елена Ольгердовна – была женой Владимира Андреевича, и на этом основании Юрий Нариманович называет его «братом».

Известно, что другой Гедиминович – Ягайло Ольгердович – выступил на стороне Мамаея против русских князей. Поэтому новгородский посадник Юрий Нариманович и придумывает причину, чтобы не идти на помощь к Дмитрию Ивановичу: мол, не успеем. Но новгородцы оказались верны московскому князю, быстро собрали они семитысячную дружину и во главе с «прорусскими» посадниками выехали к Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу.

Оле, жаворонок – летняя птица, красных дней утеха!
Взлети под синие облака,
посмотри к сильному городу Москве,
воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его – князю Владимиру Андреевичу!

Неужели буря соколов занесет из земли Залесской в поле Половецкое?

На Москве кони ржут – звенит слава по всей земле Русской,
трубы трубят на Коломне – бубны бьют в Серпухове,
стоят стяги у Дона великого на берегу –
звонят колокола вечные в Великом Новгороде!

Стоят мужи новгородские у Святой Софии,
говоря так:
«Уже нам, **брат**, не поспеть на подмогу
к великому князю Дмитрию Ивановичу».

И как слово проговаривают – уже как орлы слетелись.

То тебе были «не орлы слетелись» –
выехали посадники из Великого Новгорода,
а с ними 7000 войска,

к великому князю Дмитрию Ивановичу
и к брату его – князю Владимиру Андреевичу.

Вскоре в Москву съехались все русские князья.

На подмогу к славному городу Москве
съехались все князья русские,
говоря такое слово:
«У Дона стоят татары поганые,
и Мамай-царь – на реке на Мече,
между Чуровым и Михайловым брести хотят,
и передать жизнь свою нашей славе».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович:
«Брат князь Владимир Андреевич!
Пойдем туда,
закупим жизни своей славу,
учиним землям диво,
а старым – повесть,
а молодым – память,
а храбрых своих испытаем,
а реку Дон кровью зальем
за землю за Русскую и за веру христианскую!»

И сказал им князь великий Дмитрий Иванович:
«Братья и князья русские!
Гнездо – вы великого князя Владимира Киевского,
не в обиде вы по рождению
ни к соколу, ни к ястребу, ни к кречету,
ни к черному ворону, ни к поганому этому Мамаю!»

Дмитрий Иванович практически цитирует автора «Слова о полку Игореве»:

Дремлет в поле Ольгово храброе гнездо;
далеко залетело;
не было на обиду порождено
ни соколу, ни кречету, ни тебе,
черный ворон, поганый половец.

Известно, что перед битвой Дмитрий Иванович послал сторожей на разведку к реке Тихая Сосна. Но они замедлили в поле, и пришлось отправлять вторую стражу с наказом быстрее возвращаться. Это говорит о том, что Мамай был еще далеко от русских войск. Что и подтвердил схваченный разведкой сановитый татарин: Мамай действительно идет на Русь, но не спешит, ждет подхода войск литовского князя Ягайло и рязанского князя Олега, хотя сил у него и так бесчисленное множество, но был уговор. А стоит он на реке Мече, а собирается идти за Дон, с Кочуровки (река Кочюра в «Книге Большому чертежу») на Михайлов (город в Рязанской области).

В отличие от Ягайло его родные братья – литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи – выступили на стороне Дмитрия Ивановича. Так же его поддержал их двоюродный брат Дмитрий Кориат-Михайлович Боброк-Волынский, женатый на сестре Дмитрия Ивановича. О сборе ополчения в Литовской земле рассказывается дальше.

Литовские князья

Сбор князей в Литовской земле

Сначала поется слава литовским князьям, принявшим решение выступить на стороне московского князя Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича.

О, соловей, летняя птица!
Что бы ты, соловей, пропел во славу
великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его – князю Владимиру Андреевичу,
и земли литовской двум братьям Ольгердовичам –
Андрею и брату его Дмитрию –
да Дмитрию Волынскому?

Ведь они сыновья храбрых кречетов,
в ратном времени сведущих полководцев,
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
концом копья вскормлены,
с острого меча вспоены.

Здесь Тимофей Васильевич почти дословно цитирует «Слово о полку Игореве», где буйтур Всеволод восхваляет воинов своей курской дружины:

а мои те куряне сведущие молодцы,
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
концом копья вскормлены.

Дальше рассказывается о том, как братья Ольгердовичи принимали решение идти на помощь к московскому князю.

В Литовской земле
молвил Андрей Ольгердович своему брату:
«Брат Дмитрий!
Сами себе мы два брата –
сыновья Ольгердовы,
а внуки мы Гедиминовы,
а правнуки мы Сколоминдовы.

Соберем, брат, милых панов,
удалых Литвы храбрых удальцов,
а сами сядем на своих борзых коней
и посмотрим на быстрый Дон,
и попьем шлемом воды,
и испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские,
а сулицы немецкие – о рогатины басурманские!»

И сказал ему Дмитрий:
«Брат Андрей!
Не пощадим живота своего
за землю за Русскую и за веру христианскую,
и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича!»

«Уже ведь, брат, стук стучит, и гром гремит в каменном городе Москве».

«То тебе, брат, не «стук стучит», не «гром гремит» –
стучит сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича.
Гремят удальцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами.

Седлай, брат Андрей, своих борзых коней,

а мои – готовы, вперед твоих оседланы,
выедем, брат, в чистое поле
и посмотрим в своих полках,
сколько, брат, с нами храброй литвы?»

«А храброй литвы с нами 70 000 окованной рати».

Так же посмотреть на синий Дон и испить его воды своим шлемом хотел князь Игорь. Так же говорил о своих воинах буй-тур Всеволод: готовы они, на передовой дожидаются, хотят испытать свои мечи и потупить сабли каленные о вражеские щиты.

Пока в Москве собиралось ополчение, Мамай вел свою бесчисленную рать на Русскую землю.

Уже ведь, брат, завяли сильные ветра
с моря на устье Дона и Днепра,
принесли великие тучи на Русскую землю,
из них выступают кровавые зори,
а в них трепещут синие молнии:
быть стуку и грому великому
на речке Непрядве между Доном и Днепром,
упасть трупу человеческому на поле Куликове,
пролиться крови на речке Непрядве!

Уже ведь заскрипели телеги,
между Доном и Днепром идут хинове на Русскую землю,
и прибежали серые волки от устья Дона и Днепра
и, ставши, воют на реке на Мече,
хотят наступать на Русскую землю.

То тебе были «не серые волки» – пришли поганые татары,
хотят пройти, воюя, всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали, и лебеди крыльями заплескали.

То тебе не «гуси загоготали» и не «лебеди крыльями заплескали» –
но поганый Мамай пришел на Русскую землю и войска свои привел.

А уже беды их пася,
птицы крылатые под облаками летают,
вороны часто грают,
а галки своей речью говорят,
орлы клекочут,
а волки грозно воют,
а лисицы на кости лают.

Здесь опять вспоминается «Слова о полку Игореве»:

Птицам подобно волки грозу зарождают по оврагам,
орлы клектом на кости зверей зовут,
лисицы лают на червленые щиты.
О Русская земле, уже за Шеломянем ты!

Последнюю фразу Тимофей Васильевич воспроизвел так:

Русская земля – то первое еси как за царем за Соломоном побывала.

Это – единственное «темное место» «Задонщины». Попробуем в нем разобраться. Прежде всего отметим, что здесь нет Звательного падежа, как в похожих фразах из «Слова о полку Игореве»: «О Русская земле! уже за шеломянемъ еси», «О Русская землѣ! уже не шеломянемъ еси», поэтому здесь – не обращение, а утверждение: «Русская земля – это

первое есть». В летописных текстах неоднократно встречается выражение «второй после Соломона». Так говорится о мудрости или богатстве того или иного князя. Здесь содержится тот же смысл: Русская земля – это первое есть, что за царем Соломоном находится. Глагол «бывати» имеет значение «бывать, находиться, становиться, возникать» (Старославянский словарь под ред. Р.М.Цейтлин, М., 1994, стр.103). Таким образом, здесь говорится о важности Русской земли: она – первое, что стоит за Соломоном.

В разговоре братьев много и других переключек со «Словом о полку Игореве». Например:

черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.

Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дона великого!

Кричат телеги полуночные,
словно лебеди распущенные.

Игорь к Дону войска ведет,
уже он беды его пасет.

П о х о д

Из Москвы навстречу Мамаю торопятся выступить русские войска.

А уже соколы и кречеты, белозерские ястребы
рвались от золотых колодок из каменного города Москвы,
обрывали шелковые пути,
взвиваясь под синие небеса,
звоня золочеными колокольчиками,
на быстром Дону хотят ударить
по многим стадам гусиным и по лебединым,
а богатыри – русские удалыцы – хотят ударить
по великим силам поганого царя Мамаю.

Первым вышел из Москвы великий князь Дмитрий Иванович. Святые Борис и Глеб молитву воздают за своего родича, солнце ему на востоке сияет и путь освещает. Нет здесь никакого солнечного затмения, как в «Слове о полку Игореве». И это хороший знак!

Следом отправился Владимир Андреевич, который дожидался в Москве отстающие дружины. Из летописи известно, что ему помогал Тимофей Васильевич. Придя на поле боя, Владимир Андреевич подбадривает Дмитрия Ивановича:

Не ослабляй, брат, поганым татарам,
уже ведь поганые на поля русские наступают
и отчину нашу отнимают!

Тимофей Васильевич передает уверенность Дмитрия Ивановича, у которого теперь гораздо больше воинской силы:

Брат Владимир Андреевич!
Сами себе мы два брата,
а внуки великого князя Владимира Киевского,
а воеводы у нас поставлены – 70 бояр,
и силачи есть:
князья белозерские – Федор Семенович да Семен Михайлович –
да Микюла Васильевич,

да два брата Ольгердовича да Дмитрий Волынский,
да Тимофей Волуевич да Андрей Серкизович да Михайло Иванович,
а войска с нами – триста тысяч окованной рати.

А воеводы у нас крепкие,
а дружина сведущая,
а под собой имеем борзых коней,
а на себе – золоченые доспехи,
а шлемы черкасские,
а щиты московские,
а сулицы немецкие,
а кинжалы итальянские,
мечи булатные.

А пути им ведомы.
а переправы им изготовлены;
но еще хотят сильно –
головы свои положить
за землю за Русскую и за веру христианскую,
двигаются как живые хоругви,
ищут себе чести и славного имени.

Здесь опять звучит переключка со «Словом о полку Игореве»:

пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изострены,
сами скачут как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы.

Только, ища честь и славу, воины буй-тур Всеволода скакали как серые волки в поле, а дружины Дмитрия Ивановича двигаются как живые хоругви. Борются они за правое дело и победят! Автор уже здесь дает нам это понять. Заранее говорит он, что доносится слава о русских воинах ко многим странам:

Была слава к Железным Воротам
и к Караначеву, к Риму,
и к Кафе по морю, и к Тырнову,
и оттуда – к Царьграду
на похвалу русским князем:
«Русь великая одолела рать татарскую
на поле Куликове на речке Непрядве!»

Н а ч а л о б и т в ы

Но начало битвы для русских дружин было очень тяжелым. Перешли они за Дон, сломали переправы, чтобы не было возможности отступить, готовились или победить или с честью смерть принять.

Уже ведь те соколы и кречеты, белозерские ястребы
за Дон быстро перелетели и накнулись на многие стада
на гусиные и на лебединые.

То тебе были ни «соколы», ни «кречеты» –
то тебе наехали русские князья на силу татарскую,
и ударили копя каленые о доспехи татарские,
загремели мечи булатные о шлемы хиновские
на поле Куликове на речке Непрядве.

На том поле сильные тучи сошлись,
а из них часто сияли молнии,
и гремели громы великие.

То тебе «сошлись» русские сыновья с погаными татарами
за свою великую обиду,
а у них сияли доспехи золоченые,
а гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские,
а бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой Богородицы.

Не туры захрипели у Дона великого на поле Куликове?

То тебе не «туры» побеждены у Дона великого,
но посечены князья русские и бояре
и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича,
побеждены князья белозерские от поганых татар –
Федор Семенович да Семен Михайлович –
да Тимофей Волуевич да Микула Васильевич,
да Андрей Серкизович да Михайло Иванович,
и другие многие дружины.

Выступил тогда вперед Пересвет-чернец. Его дал на подмогу Дмитрию Ивановичу игумен Троицкой обители Сергей Радонежский. Раньше Пересвет был великим воином, потом ушел в монастырь. Но не удалось ему в спокойном молитвенном подвиге закончить свою жизнь, принял он смерть, защищая Русскую землю. Сказал Пересвет Дмитрию Ивановичу: лучше потрудиться в бою, чем жить под татарским игом, повторил слова князя Игоря: «Лучше потрудиться, нежели смириться».

Пересвет по полю скачет, сверкая золочеными доспехами, а другие уже лежат посеченные на донском берегу. Напомнил Пересвет ратной доблестью буй-тура Всеволода, который своим мечом булатным стругал шлемы оварские и рубил головы половецкие.

Куда тур поскачет, своим золотым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие.
Поструганы саблями калеными шлемы оварские,
от тебя, яр-тура Всеволода!

Тимофей Васильевич, вспоминая «Слово о полку Игореве», как бы в ответ на вопрос великого князя Святослава: «А что дивно себя, братия, старому омолодить?», говорит, что на Куликовом поле пришло время «старому помолодеть, а удалым людям – плеч своих испытать», пришло время «молодому чести добыть».

И молвил тогда брат-чернец Пересвета Осляба:

Брат Пересвет, вижу на теле твоём раны великие,
уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль,
а чаду моему Иакову лежать на зеленой ковыле-траве
на поле Куликове на речке Непрядве.

Погибли в сражении и старый воин Пересвет и молодой Иаков – сын Осляби. Пало много русских воинов. Страшно было смотреть на поле Куликово. И вспомнил Тимофей Васильевич картину, описанную в «Слове о полку Игореве», когда «по Русской земле редко пахари перекрикивались, но часто вороны каркали, трупы между собой деля, а галки своею речью говорили, собираясь полететь на съедение», воссоздал ее так:

ни пахари, ни пастухи в поле не кличут,
но только часто вороны каркают из-за трупа человеческого.

Страшно ведь было и жалостно о том слышать,
поскольку трава кровью пролита была,
а деревья от горя к земле приклонились,
и запели птицы жалостные песни,
заплакали все княгини и боярыни
и все воеводские жены об убитых.

П л а ч р у с с к и х ж е н

От этого страшного зрелища запели птицы печальные песни, и заплакали тогда русские женщины. 200 лет назад в Путивле на забрале плакала Ярославна, теперь – жена смертельно раненного Микулы Васильевича Вельяминова Марья причитала в Москве на городской стене:

Дон, Дон, быстрая река!
Прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половецкую,
принеси моего господина Микулу Васильевича ко мне!

И Федосья плакала об убитом муже Тимофее Волуевиче:

Теперь уже веселье мое поникло в славном городе Москве,
и уже не увижу своего государя Тимофея Волуевича живым!

Плакали жены Андрея Серкизовича и Михайла Ивановича – Марья и Аксинья:

Вот уже обеим нам солнце померкло в славном городе Москве,
пахнули к нам от быстрого Дона
плененные вести, неся великую беду,
и пересели удалцы с борзых коней на уготованное место
на поле Куликове на речке Непрядве.

К утру следующего дня вслед за московскими женами заплакали коломенские, дошли и до них печальные вести:

Москва, Москва, быстрая река!
К чему занесла мужей наших от нас в землю Половецкую!

Можешь ли, господин князь великий,
веслами Днепр заградить,
а Дон шлемами вычерпать,
а Мечу-реку трупами татарскими запрудить?
Замкни, государь князь великий, Оке-реке ворота,
чтобы потом поганые татары к нам не ездили,
уже мужей наших рать утрудила.

Обратились коломенские жены к великому князю Дмитрию Ивановичу, напомнили ему о великом его родиче Всеволоде Большое Гнездо, который, как описывалось в «Слове о полку Игореве», мог «Волгу веслами разбрызгать, а Дон шлемами вычерпать».

П р о д о л ж е н и е б и т в ы

Но рано плакали русские жены: не сломились русские воины. Выскочил из засады Владимир Андреевич, ударил вбок татарскому войску, закричал громко, призывая Дмитрия Ивановича:

Брат Дмитрий Иванович!
Ты – у злосчастливого времени железное забрало.

Не отставай, князь великий, со своими великими полками,
не потакай крамольником!
Уже ведь поганые татары на поля наши наступают,
а храбрую дружину у нас потеряли,
а в трупах человечьих борзые кони не могут скакать,
а в крови по колено бродят,
а уже ведь, брат, жалко видеть кровь христианскую.
Не уставай, князь великий, со своими боярами!

Отозвался Дмитрий Иванович, повел за собой войска:

Братья бояре и воеводы, и дети боярские!
То – ваши московские «сладкие меда» и «великие места».
Тут добудете себе места и своим женам.

Брат князь Владимир Андреевич!
Тут, брат, испить медовые чары наведенные!
Наедем, брат, своими полками сильными на рать татар поганых!

Дмитрий Иванович стал наступать, а татары – отступать, у Дмитрия Ивановича стяги ревут, а татары – бежать. Но русские воины не дали им уйти, кликом поля загородили и золочеными доспехами осветили, а потом стали их бить и сечь умело. Уже ведь встал тур на оборону, как некогда брат князя Игоря буй-тур Всеволод. Татар пало бесчисленное множество, их «трупами поля засеялись, и кровью их реки потекли». Те, кто спасся, побежали в Лукоморье, скрежеща зубами, приговаривали:

Уже нам в земле своей не бывать
и детей своих не видать,
и жен своих не трепать,
а трепать нам сырую землю,
а целовать нам зеленую мураву,
а в Русь ратью нам не хаживать,
а выхода нам у русских князей не спрашивать.

В субботу, на Рождество святой Богородицы, русские дружины одержали победу.

Того же дня в субботу,
на Рождество святой Богородицы,
избили христиане поганые полки
на поле Куликове на речке Непрядве.

Замечу, что Рождество святой Богородицы отмечается 8 сентября. Субботой этот день был в 1381 году. В «Сказании о Мамаевом побоище» Софония так же сказано, что русские войска вернулись домой 10 октября 6889 года, что соответствует 1381 году от Р.Х. В историографии принято считать, что Куликовская битва произошла в 1380 году.

П о с л е д с т в и я п о р а ж е н и я М а м а я

Последствия разгрома Мамаевой рати описаны почти теми же словами, какими автор «Слова о полку Игореве» рассказывал о поражении войска князя Игоря. Думаю, так Тимофей Васильевич хотел подчеркнуть справедливость русской мести. Он не хотел упиваться страданиями поверженных врагов.

Уже поганые оружие свое опустили,
а главы свои приклонили под мечи русские,
и трубы их не трубят, и увяли голоса их.

Застонала земля татарская от горя, теперь там поникло веселье. Князь Игорь пришел в половецкую степь, и был разбит. Теперь ситуация перевернулась: Мамай пошел на Русскую землю, и потерпел поражение. Теперь русские воины везут домой богатый полон: оружие, доспехи, коней, волов, верблюдов, расшитое узорочьем одеяние и дорогие ткани. Теперь русские жены звенят, плещутся татарским золотом. Теперь

по Русской земле распростерлось веселье и буйство,
вознеслась слава русская на поганых хулу.

Побежал Мамай, бросая свои войска. В русских рядах зазвучали призывы:

Стреляй, князь великий, по всем землям,
стреляй, князь великий, со своею храброю дружиною
поганого Мамай-хиновина за землю Русскую,
за веру христианскую!

Но Мамаю, в отличие от князя Игоря, удалось сбежать. Помчался он прочь от Русской земли и прибежал к Кафе-городу.

Молвили же ему итальянцы:
«Зачем ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю!
То тебя била орда Залеская, а не бывать тебе в Батгя-царя.
У Батгя-царя было четыреста тысяч окованной рати,
а воевал всю Русскую землю от востока и до запада,
а казнил Бог Русскую землю за свои прегрешения.
И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, со многими силами:
с девятью ордами и 70 князьями,
а ныне ты, поганый, бежишь сам собой в Лукоморье,
не с кем тебе зимы зимовать в поле.

**Верно тебя князья русские сильно потчевали: ни князей с тобой, ни воевод?
Видно очень упились у быстрого Дона на поле Куликове на траве ковыле?
Беги ты, поганый Мамай, от нас по Заолешью!»**

Теперь кровавый пир был устроен для врагов – Тимофей Васильевич помнит описание разгрома русских войск на берегу быстрой Каялы:

тут кровавого вина не хватило,
тут пир окончили храбрые русичи,
сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую.

П о м и н а н и е у б и т ы х

Раньше было сказано, что вместе с Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем в битве принимали участие 70 воевод, а также белозерские князья: Федор Семенович и Семен Михайлович, литовские князья Ольгердовичи: Дмитрий и Андрей, князь Дмитрий Михайлович Волынский, а также бояре: Микула Васильевич, Тимофей Волуевич, Андрей Серкизович, Михайло Иванович, а также чернецы: Пересвет-старец и Осляба со своим сыном Иаковом.

Всего войска было 300 тысяч, среди них – 7 тысяч новгородцев и 70 тысяч литовцев.

Погибли в битве белозерские князья: Федор Семенович и Семен Михайлович, бояре: Микула Васильевич, Тимофей Волуевич, Андрей Серкизович, Михайло Иванович, чернец Пересвет-старец и молодой Иаков Ослябич.

А всего убитых было 253 тысячи. Среди них:

40 бояр московских, 12 князей белозерских,
30 новгородских посадников, 20 бояр коломенских, 40 бояр серпуховских,
30 панов литовских, 20 бояр переяславских, 25 бояр костромских,
35 бояр владимирских, 50 бояр суздальских, 40 бояр муромских,
70 бояр рязанских, 34 боярина ростовских, 23 боярина дмитровских,
60 бояр можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углических.

Назад вернулось меньше 50 тысяч. Тимофей Васильевич описывает страшную картину:

лежат трупы христианские, как сенные стога,
у Дона великого на берегу,
а Дон-река три дня кровью текла.

Но помиловал Бог Русскую землю и князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича за правое дело, даровал победу. Ведь Русская земля у Бога, как младенец у матери своей: она его тешит, а драки – лозой наказывает,

а добрые дела милуют его;
так и господь Бог помиловал князей русских,
великого князя Дмитрия Ивановича
и брата его – князя Владимира Андреевича
между Доном и Днепром,
на поле Куликове на речке Непрядве.

Склонил голову Дмитрий Иванович перед убитыми и сказал:

Братья бояре и князья и дети боярские!
Это вам – уготованное место меж Доном и Днепром,
на поле Куликове на речке Непрядве,
сложили головы свои за святые церкви,
за землю за Русскую и за веру христианскую.
Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем.

И пойдем, брат – князь Владимир Андреевич,
в свою Залесскую землю, к славному городу Москве
и сядем, брат, на своем княжение.
А чести, брат, добыли и славного имени!

Начинается «Задонщина» с известия о том, что Мамай идет в Залесскую землю, а заканчивается тем, что русские князья, с честью выполнив ратный долг, возвращаются домой, в Залесскую землю, на свое княжение. В «Слове о полку Игореве» про честь и славу не говорится. Русская земля просто радуется возвращению князя Игоря из плена: солнце светит в небесах, девицы поют на Дунае. В «Слове о полку Игореве» славица звучит только потому, что есть надежда: когда-нибудь победа будет одержана.

Здравие князья и дружина,
восставая за христиан на поганые полки!
Князьям слава и дружине!